

ГЛАВА 2

ТОТ САМЫЙ ДОМ

Маршрутка затормозила на остановке. На обшарпанной стене показалась картина: группа оленей вплавь перебиралась через окруженное сопками озеро, багровый закат оберегал их от неожиданного врага. Колонна проплывала мимо человеческой куваксы*, от которой так заманчиво веяло теплом: костер надежды посреди обнаженной тундры. Может, это пристанище охотников, которые делят между собой вечернюю трапезу в предвкушении будущей добычи? А может, северные кочевники, подгоняющие рогатое стадо, разбили шалаш на время непродолжительной передышки? Только Солнце, проснувшись с утра, узнает подлинные мотивы северных странников.

Коля посмотрел немного выше опускающегося за горизонт огненного шара и увидел огромные металлические буквы стародавних времен, торжественно выстроившиеся в слово «Ловозеро». Белый кирпич остановки бережно скрывал сумеречный сюжет саамской жизни

* Кувакса — переносной шалаш, который саамы использовали как временное жилище при сезонных перекочевках.

от глаз-фар проезжающих мимо автомобилей. Сказка внутри коробки.

Коля выполз из маршрутки и сразу уткнулся в пожилого мужчину, по виду которого можно было бы сказать, что жизнь его потрепала. Собственно, это и был его дед Георгий. Колю поразило, как сильно дед изменился за какие-то два года: изрезанная морщинами кожа поползла вниз, опустив уголки некогда улыбочивых губ, спина сгорбилась, взгляд стал смиренным, как у монаха. В следующую же секунду лицо деда изменилось: на нем отразилась искренняя радость, идущая из самой глубины тоскующего сердца.

— Ну, здравствуй, Коля! — Он обнял внука, упершись носом ему в плечо.

— Привет, привет!

— Долго тебя, однако, не было. Не балуешь ты деда своего вниманием! Небось мать послала? Она меня все уговаривает в Мурманск перебраться. Сразу говорю: не поеду!

Коля освободился от крепких объятий и от заразительной улыбки деда ощутил какую-то легкость на душе. Будто он снова стал маленьким мальчиком, приехавшим к бабушке с дедушкой на летние каникулы. Вот сейчас он войдет в избушку, которая в детстве казалась целым дворцом, а на столе уже стынет внушительная стопка блинов с брусничным вареньем. Еще тогда, будучи совсем ребенком, Коля радовался, что может подолгу гостить в деревянном доме, а не в душной квартире. Ему нравилось, что в любой момент можно шагнуть за порог — и ты на улице. Уж точно лучше, чем толкаться нос к носу с соседями в грязном подъезде. Еще пристанут с расспросами.

Вот и теперь, столько лет спустя, Коля шел по окрестностям села к тому самому двору, но к теплым воспоминаниям примешивались совершенно иные образы. Деревянные дома чередовались с панельными многоквартирными «коробками» и не вызывали абсолютно никакого восхищения. Казалось, хрусталь уходящего традиционного уклада разбивался о бетонные стены современности.

Дед Георгий оставался одним из тех, кто пытался этот уклад изо всех сил сохранить. Но даже его дом превращался, как бы это грубо ни звучало, в покосившийся сарай. Коля заметил родные ворота еще издали. И сразу осознал: бабушка во дворе его больше не встретит, а на столе не будет блинов. Очарование даже этого небольшого закутка безвозвратно испарилось.

— М-да, без Аннушки здесь совсем не так... — открывая расшатанную калитку, со вздохом протянул дед Георгий. — Не хочется ничего делать без нее... Краска вон совсем облезла. А свежую накладывать не для кого...

— Как ты тогда здесь жить собираешься? Левая сторона уже книзу поползла.

— Вот без хозяйки и перекошило. Дом — он как живая душа... Тоскует без любимой... Давеча пытался сарайку выровнять, да силы уже не те. Поможешь мне, вместе покрутим тут. Пилить-то хоть умеешь? — с недоверием спросил дед.

Коля замаялся: в его планы не входили строительно-монтажные работы. Он даже не видел ни разу, как все это делается.

Теперь Коля мог сравнить деда с этой «деревяшкой»: такой же уставший и осунувшийся, постаревший от одиночества посреди пустой тундры. Коле стало немного стыдно: без постоянных напоминаний мамы и папы — «Проведай дедушку, все равно ничего не делаешь!» — он бы здесь не оказался.

— Пойдем скорее в дом, а то сейчас набегут любители языками почесать, — нетерпеливо позвал дед Георгий.

Коля ступил на скрипучие половицы и сразу же загнулся об огромные резиновые сапоги (глядишь, и пальцы о такие сломаешь!), стоявшие в куче разносезонной обуви. Пытаясь удержать равновесие, он ухватился за дверной косяк и локтем задел удочку, которая тут же повалилась на ящик с инструментами. Коля пригнулся, с опаской ожидая, что в следующую секунду ему на голову откуда-нибудь из-под крыши свалится охотничье ружье.

— Ай, да что такое! Ты сейчас мне все здесь разнесешь! Разувайся тут.

— Я скорее здесь убьюсь! У тебя по всему дому столько хлама?

— Это тебе не хлам! Это нужные для дела приспособы!

— У тебя магазин под боком! Я вообще не понимаю, зачем в наше время животных по лесу стрелять и на рыбалке среди камней мерзнуть! — сказав это, Коля почувствовал себя так, будто открыл пещерному человеку колесо.

— Молодежь! Ни черта не умеете и не понимаете! А спорить — сами не свои. Никаких интересов! Вот

не станет таких, как мы, дольше сорока лет не проживете на своих суррогатах! И отец у тебя такой же, малахольный, — с обидой пробухтел Георгий.

Коля решил не вступать в спор с престарелым баракхольщиком. Все эти вещи не вызывали у него никакого интереса. В последний раз он брал в руки сооруженную из палки и лески удочку лет семнадцать назад.

Коля осторожно прошел через сени и попал в небольшую, заставленную пыльной мебелью комнату: некогда накрахмаленные ажурные салфеточки, обшитые подушечки и советские клееночки оставляли в душе тяжелое впечатление — как брошенная у подъезда пластиковая кукла с одним глазом. Дедушка пытался не нарушать созданного супругой уюта. Однако этот уют утекал, как песок сквозь огрубевшие пальцы рыбака.

В спальне (хотя она служила для всего) бабушкино трюмо теперь было завалено картами местности, исписанными дрожащей рукой. На прикроватном столике валялись пожелтевшие тетради на восемнадцать листов, прижатые лупой. Выглядело так, будто старик каждый день на сон грядущий изучал возможность существования Гипербореи. В остальном все осталось без изменений: те же выцветшие паласы и несуразные прямоугольные зеркала.

— Голодный, наверное? — не ожидая ответа, произнес дед Георгий. — Суп я сегодня сварить не успел... У меня тут картошечка с грибами имеется!

— Никогда от такого блюда не откажусь! Даже у бабушки так картофан не получался, как у тебя. — Колин желудок заурчал в знак согласия. — Какие грибочки?

— Ой, да всякие. Но белых нынче мало я насобирал. В основном подосиновики. Я тут из морозилки кумушку вынул. Так что можем вечером сообразить!

Коля обожал сельскуюстряпню. По правде говоря, его уже тошнило от магазинных шампиньонов. Родители не особо любили походы в лес за грибами. Так что подосиновики или, предположим, красноголовики — это практически деликатес в нынешнее время! Но единственное, чего не мог оценить Коля, — это лесная дичь. Бабушка (царствие ей небесное!) поначалу удивлялась столь резкой перемене в предпочтениях подростка. Однако впоследствии приняла это (да здравствует картошечка с грибами!). Дедушка же, наоборот, оскорблялся на возникшую из ниоткуда прихоть.

— Ты еще помогаешь Василию с оленями на ферме? — пытаюсь немного отвлечься от звуков митингующего желудка, сменил тему Коля.

— Да какая же это ферма! Давно ты там не был! Теперь это так... развлечение для туристов... — с тяжелой грустью в голосе ответил Георгий.

— Тебя это расстраивает?

— Васька вроде оленивод от рождения, а повелся на всю эту моду. Я к нему раньше ездил, помогал, то да се... Потом начал он народ на смотрины пускать. Вот представь: надушится дама какая-нибудь своей «шанелью», а потом к зверю подходит, руками его гладит... Бедный олень уйти хочет, а сбоку еще одна «шанель». Раньше он кормильцем был, защитником, а нынче циркачом сделали. Дело у Васьки пошло, да хорошо ли это?

— Люди заинтересовались коренным народом. Что тут плохого?

— Да не про это даже разговор. Устает животное от такого внимания. Каждый день как выход на сцену. Зачухал все стадо!

— У вас за несколько километров целый убойный пункт стоит! Головы оленей летят, чтоб обеспечить регулярный товарооборот! А тебе демонстрации безобидные не по вкусу!

— Ты про совхоз? Двадцать лет своих я там оставил. Хоть и обычным электриком... И это, считай, очень мало! Первое время даже зарплаты не платили, все равно трудились. Потому что кормить всех надо было и одевать. А сейчас... — дед махнул рукой. — Оленя не уважают. Всем деньги нужно зарабатывать, а не про заветы всякие там думать... Настоящий, как ты говоришь, убойный пункт. Колбасы с сосисками крутят, даже мясо заготавливать не надо. И цены заоблачные!

— А другие там до сих пор работают?

— Уходят некоторые. Условия давно уже не те. Да и молодняк здесь оставаться не хочет. Мать твоя, вон, как только восемнадцать стукнуло — так и след простыл. Белые ручки для работы не приспособлены!

— И что, она бы тут оленей пасла? Или шкуры шила?

Георгий ничего не ответил на это. На его лице застыла задумчивая печаль. Он тосковал по прошлому и упрямо не хотел его отпускать. Не желал принимать новые устои, настроения и привычки. И поэтому считал себя совсем ненужным. Дед смотрел на внука и видел в нем облик современности, кричащий о пустоте

былых суждений, но никак не мог подобрать нужные аргументы в защиту дорогих его сердцу вещей.

— Можем завтра к Василию смотаться, поглядеть. Заодно дрова надо заказать, а то сарайка скоро пустая будет, — после некоторого молчания произнес старик.

— Давай! — приободрился Коля, совсем было потерявшийся от мук выбора здешних развлечений.

На самом-то деле он очень уважал всю эту дедовскую веру в традиции. Казалось, только она держит его в устойчивом положении на этой земле. Коля тоже в какой-то мере был очарован «духом природы», хоть и находил местные леса крайне скудными. Он полностью разделял мнение бабушки о необходимости уважения ко всему живому. Вместе с тем он считал, что тот немного подмывает довольно очевидные понятия.

— Сам-то чем у себя там в городе занимаешься? Маманька говорит, с работой у тебя туго.

— Без опыта никто не хочет брать, а если и возьмут, то тысяч за двадцать пять... Скотские условия...

Георгий разразился смехом.

— Ишь ты! Миллионэром хочет быть, большим начальником! Эх! А специальность у тебя вообще какая?

— Ну, типа экономист...

— Счетовод, что ль? До полной степени учености небось дошел!

Коля не видел смысла продолжать подобный разговор, слыша издевательский тон бабушки. За большим круглым столом он уткнулся в тарелку с картошкой. Георгий подвинул к внуку миску с салатом из помидоров и огурцов, щедро заправленным сметаной. Затем, поковырявшись в холодильнике, вынул оттуда непечатый кусок

грудинки, быстро нарезал и положил на тарелку рядом со свежим черным хлебом. Минут пять старик продолжал крутиться по кухне, разыскивая, чем бы еще эдаким побаловать своего гостя. Совсем сбитый с толку, он начал выгружать на обеденную скатерть пряники, бранки и печенье «К кофе». Наконец опустился на стул напротив Коли и вытянул откуда-то бутылек с горячительным напитком с плохо вымытой рюмкой сверху. Подловив взгляд внука, Георгий обозначил вопросительный жест, мол: «Будешь?» Коля, вспомнив, чем закончился его последний опыт дегустации «огненной воды», отрицательно помотал головой.

Долго за столом звучали споры двух поколений о различных фундаментах жизни. Казалось, между этими людьми с течением времени образовалась огромная пропасть. Однако каждый пытался вникнуть в суть суждений другого.

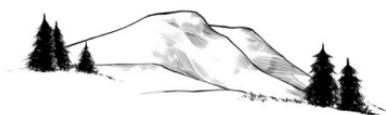
— Пойду до магазина, чего-нибудь перехвачу. — Покончив с обедом, Коля отъехал на стуле.

— Так ты только поел! — с недоумением воскликнул Георгий.

— Да прогуляться хочу! Посмотрю, что здесь да как.

— Не ходи долго, а то ужинать ночью сядем.

Коля одним движением руки снял с крючка ветровку, занырнул в белые кроссовки, сброшенные наспех рядом с входной дверью, и уже через пару минут скрылся за поворотом.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

